

Юрий ЦИНГОВАТОВ

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РАЕВСКИЙ
(АРТИЛЛЕРИСТ, БИОЛОГ, ПИСАТЕЛЬ)

Николай Алексеевич Раевский, называвший себя «артиллеристом, биологом, писателем», родился в 1894 году. Его отец - следователь Петрозаводского окружного суда, титулярный советник, происходил из старинного дворянского рода. Предки матери принадлежали к олонецкому роду Пресняковых. Принимавший роды врач заметил, что голова младенца «как у Сергея Юльевича Витте» и предсказал ему будущее «большого человека». Поначалу все складывалось вполне удачно.

В 1913 г. молодой Раевский с золотой медалью окончил гимназию в Каменец-Подольске и поступил на естественный факультет Петербургского университета. Учебу, однако, пришлось прервать - разразилась Мировая война. После ускоренного курса в Михайловском артиллерийском училище, подпоручик полевой артиллерии Раевский был направлен на фронт. Боевое крещение получил в 1916 г. в ходе знаменитого Брусиловского прорыва. В боях показал храбрость и офицерскую выдержку.

Октябрьский переворот Раевский не принял и оказался на стороне «белых». Сорок четыре месяца провел на фронтах Мировой и Гражданской войн. Дослужился до капитана, получил Св.Анну «За храбрость» и с войсками Врангеля покинул родину. После нескольких лет скитаний по воинским лагерям в Греции и Болгарии

оказался в Праге. Тогда здесь нашли убежище многие представители русской интеллигенции. Чехословацкое правительство финансировало программу образования для русской молодежи, которая должна была принять Россию в свои руки, после скорого, как полагали, падения большевиков.

Вчерашний артиллерийский капитан, испытывавший все муки безысходности и отчаяния, царивших в разлагавшейся в эмиграции армии, попал в давно забытую мирную атмосферу. Среди тогдашних русских обитателей Праги было много тех, чьи имена уже были вписаны в скрижали русской науки и культуры, другим еще предстояло оставить свой след. В старейшем в Центральной Европе Карловом университете, куда в 1924 году поступил Раевский, читали лекции академики историк Византии Никодим Кондаков, геолог Николай Андрусов. На пражских литературных сходках бывали И.Бунин, К.Бальмонт, Владимир Набоков, Аркадий Аверченко, И.Северянин, Марина Цветаева, Нина Берберова, Петр Струве, Борис Савинков (Ропшин), Р.Якобсон. Не обходили Прагу стороной и советские литераторы Горький, Маяковский, Юрий Тынянов, Илья Эренбург. В одном из своих зарубежных интервью Маяковский пробросил мысль: «Выступая в Праге по-русски, я не боюсь быть непонятым». Кто-то полагал, что речь идет о хорошем владении чехов русским языком. Фактически же поэт в завуалированной форме признавал - значительную часть его пражской аудитории составляли русские эмигранты.

После окончания университета Раевский защитил кандидатскую диссертацию, но отказался от предложения продолжить занятия научной работой в области биологии. Его все сильнее затягивал литературный труд, ставший для него каждодневной потребностью. Он пишет о своих военных впечатлениях и переживаниях, анализирует само явление белого добровольчества. Его творческие искания воплощаются в повестях «Тысяча девятьсот восемнадцатый год», «Добровольцы» и «Дневник галлиполийца». Отдельным изданием они вышли лишь недавно в издательстве «Русский раритет» под названием «Неизвестный Раевский» (М., 2010). Эти во многом автобиографические произведения написаны честным и мужественным человеком. Он не избегает «окопной правды», снимающей героический ореол с Гражданской войны, с Белого движения, показывает истинное лицо братоубийственной бойни. Он критически анализирует политические промахи и неудачи Белого движения, которому в отличие от «красных» так и не удалось сформулировать и довести до масс ясной и понятной системы идей. Напротив, это движение скорее отличалось разношерстностью мировоззрений и убеждений или как бы сказали сегодня – плюрализмом мнений. Такой подход автора не укладывался в привычные клише белогвардейской литературы и мемуаристики и с подозрением воспринимался в эмигрантских издательствах.

Между тем, познакомившись с рукописью «Добровольцев» Владимир Набоков написал автору: «Многоуважаемый Николай

Алексеевич, ваши очерки прямо великолепны, я прочел – и перечел их – с огромным удовольствием. Мне нравится ваш чистый и правильный слог, тонкая ваша наблюдательность, удивительное чувство природы...»

Эти ободряющие слова уже входившего тогда в моду писателя, с которым Раевский сошелся на почве общего увлечения энтомологией, сыграли важную, если не ключевую роль в его дальнейшей судьбе. Они поддержали его морально, придали уверенность в правильности избранной им писательской стези. «В зрелые годы, - вспоминал позднее Раевский, - литературные интересы стали у меня преобладать надо всеми иными». Однако, несмотря на лестные отзывы Набокова, других коллег по писательскому цеху, его работы о Гражданской войне опубликовать в эмиграции так и не удалось. В итоге, свои сочинения он за гроши вынужден был продать в Русский заграничный архив в Праге.

В эмиграции Раевский вел весьма скромную жизнь, на которую зарабатывал частными уроками и службой помощника библиотекаря во Французском культурном центре в Праге (Институт Эрнеста Дени), где перед этим совершенствовал свое знание французского языка и за достигнутые успехи был премирован стажировкой во Франции. Кстати, занимаясь французским языком, он предполагал использовать его для энтомологических исследований в одной из французских колоний. К этой мысли он возвращался неоднократно, особенно в трудные

моменты своей жизни.

Об этом мы узнаем сегодня его личных дневников, которые он вел на протяжении всей эмиграции. История этих записей, как и судьба самого Раевского, походит на остросюжетный роман. Долгие годы они считались безвозвратно утраченными, пока почти случайно на них не наткнулся литературовед, профессор Карлова университета в Праге, наш соотечественник – Владимир Иванович Крестовской. Он родился перед войной в эмигрантской семье в Чехословакии, окончил русскую гимназию, получил высшее образование, защитил диссертацию. Стал горячим сторонником развития чешско-русских литературно-культурных связей, знатоком русского литературного зарубежья. В последние годы в центре его научных интересов исследование биографии и творчества Н.А.Раевского, которого он помнит еще со своих гимназических лет.

«В начале 1945 года, - рассказывает Владимир Иванович, - когда советско-германский фронт уже находился на территории Словакии, Раевский собрал свой литературный архив и запечатал его в два пакета. Один пакет он отдал на сохранение своему доброму знакомому доценту Карлова университета врачу Петеру Кафке, а другой - пражскому адвокату Курцвайлу.

В 80-е годы Раевский приезжал в Прагу в надежде разыскать свой архив. Но, тщетно. Профессор Кафка к тому времени уже скончался, а следы переданных ему материалов затерялись.

Курцвайл, хотя еще был жив, но так и не смог вспомнить, куда он спрятал пакет.

Позднее, уже после отъезда расстроенного Раевского, мне позвонила дочь Курцвайла, с которой я был знаком. Она сообщила, что со своим мужем-французом готовится переехать во Францию и, перебирая старые вещи, наткнулась в подвале дома на запечатанный сургучем пакет, «какого-то» Раевского. Она интересовалась, не знаю ли я этого человека.

Тогда я не сразу понял, что речь идет о Раевском-пушкинисте. В памяти всплыли эпизоды из жизни русской гимназии в Праге. Среди взрослых завсегдатаев школьных новогодних ёлок был и Раевский. За полноту гимназисты прозвали его «пупочка». Я сказал моей знакомой, что, кажется, знаю этого человека. Вскоре пакет лежал на моем столе. Он был уже распечатан. Внутри оказалось несколько общих тетрадей с рукописями, записные книжки, карманного формата, наброски, фотографии.

Два года я работал над этими материалами, расшифровывал их, перепечатывал, словом, готовил к печати. О найденном архиве я сообщил российским коллегам, но в начале бурных и переломных девяностых годов, интерес к ним в Москве не проявили. Дело тогда ограничилось публикацией моей статьи о сделанном открытии в «Литературной газете» (№ 10, 9.3.1994 г.)».

Дневники Раевского охватывают период с 1921 по конец 1944 года. Иногда это подробные ежедневные записи, подчас, краткие

беглые заметки. Местами дневник прерывается, но спустя некоторое время возобновляется. Причины этих перерывов нам не известны, автор их не объясняет. Рискну высказать предположение. Раевский неоднократно в записях упоминает о намерении завести «второй дневник», куда записывать «серьезные впечатления», «политические оценки». Нельзя исключать, что он исполнил свою задумку и завел второй дневник, который оказался в ненайденном до сих пор пакете с его архивом. Но это пока только предположение.

Тема дневников – летопись жизни русского эмигранта. В них повседневный быт и заботы, переживания об оставшихся в России родителях, с которыми утрачена связь, заметки о впечатлениях от выступлений в Праге Анны Павловой, Шаляпина, о беседах с Милюковым, Лосским... Много места занимают удивительные описания природы. Мастер фрагментарного письма, Раевский превращает отдельные записи в изящные новеллы.

Дневники важный источник наших знаний о том, как Раевский подошел к пушкинской теме, которой, по его словам, «начал заниматься с 1931 года. Работал, пользуясь богатейшей пушкинианой Пражской Университетской библиотеки». Кроме письменных источников он искал в Праге контакты с теми людьми и их потомками, которые были вхожи в пушкинский круг. Раевский заводит знакомства с представителями старых австро-чешских

аристократических родов, получает возможность, хотя и ограниченную, знакомиться с их архивами. Его исследовательские способности были вознаграждены - ему удалось открыть пушкинскую сокровищницу в бродзянском замке, отыскать следы и документы «выдающейся женщины» знакомой Пушкина Долли Фикельмон, оставившей воспоминания о дуэли и смерти поэта.

Вдова Раевского вспоминала: «Кто-то написал, что Долли Фикельмон – его загробная любовь. Не могу не согласиться. Он ею любовался, слышал ее, видел. У него даже были, как он считал, галлюцинации: «Фикельмон явилась, представляешь, я разговаривал с ней». Его герои надеялись на него, а он не подводил. Не дыша, деликатно и осторожно распутывал кружева их судеб. И за каждое слово свое нес ответственность перед историей».

В Праге Раевский познакомился со своим ровесником Георгием Михайловским (сыном писателя Гарина-Михайловского), в то время профессором международного права. В одной из откровенных бесед профессор рассказал, что в июле-августе 1913 г. он отдыхал на швейцарском курорте в Монтре, где близко познакомился с пожилой дамой (лет 50-55), графиней d'Anthes и ее дочерью Francoise (лет 20). Графиня сообщила Михайловскому, что она дочь Дантеса, убившего Пушкина, от второго брака. На вопрос Михайловского, был ли Дантес в связи с Натальей Николаевной, графиня ответила, что в этом не может быть никакого сомнения и что ее отец сам не

скрывал этого. «Само собой разумеется, - писал Раевский,- что к рассказу собеседницы профессора в этой его части приходится отнестись с крайней осторожностью. Однако, по словам Михайловского, совершенно невероятно, чтобы эта почтенная пожилая француженка выдумала свое происхождение от Дантеса».

Опубликовать свои пушкинские исследования в эмиграции Раевскому не удалось. Довольствоваться пришлось лишь устными выступлениями, которые, впрочем, получили весьма благосклонные отзывы публики.

Литературовед почерпнет в дневниках описания скрупулезных методов поисковой работы Раевского, почувствует его исследовательский азарт и тонкое проникновение в сферу самых интимных сторон жизни поэта.

Выстраивая дневниковые записи Раевского по темам, можно выделить в них несколько направлений. Об одном из них – пушкинском - мы вкратце рассказали. Другая – романтическая. Писатель предстает перед нами, как человек чувственный, влюбчивый и романтический, переживающий за неустроенность личной жизнь, в которой он так и не сделал ни одной женщине предложения. Он винит в этом собственное неустойчивое финансовое и общественное положение, свой возраст... Из дневников мы узнаем о его романтических связях. Особенно подробно он описывает возникшее у него чувство к юной

поэтессе красавице Ольге Крейчи, ученице русской гимназии, ставшей его музой в последние годы эмигрантской жизни. Дневники - наиболее ценный источник сведений об этой рано ушедшей из жизни трагической и одаренной личности. Ее стихи многие неизменно оценивали, как освященные высоким талантом. Сегодня только в записках Раевского можно почерпнуть литературоведческие и биографические данные об этой «звезде русской зарубежной поэзии».

В дневниках содержится немало записей, посвященных войне в Европе. В них откровенные чувства человека знающего, что такое война: страх за знакомых и близких людей, за свою судьбу, за культуру, за будущее цивилизации. Он не сочувствует разгромленной Польше, сожалеет о поверженной Франции, не скрывает преклонения перед победоносной «наполеоновской» стратегией третьего рейха. Он вспоминает горечь русских поражений во время первой мировой войны и, сравнивая их с бездарным отступлением союзников, с их постоянными провалами, пишет: «У союзников сейчас гораздо меньше возможностей остановить наступающую армию, чем 26 лет тому назад. России – матушки нет, и никто не бросит корпусов на запад. Авиация французов и англичан слабее немецкой и с каждым днем слабеет. Битва в воздухе не удастся».

Автор тонко подмечает многие детали чешского быта военного времени. Он пишет о довольно беззаботной жизни

чешской публики, которая почти не замечает, что совсем близко грохочет война, гибнут люди, тысячи беженцев пытаются укрыться от обрушившихся на них бедствий. В этой связи необходимо пояснение. В течение всей войны протекторат Богемии и Моравии был кузницей вооружения для третьего рейха, бесперебойно поставлявшей вермахту танки, самолеты, стрелковое оружие, боеприпасы. Немецкие власти поддерживали здесь высокие нормы снабжения населения продуктами питания, товарами повседневного спроса. В протекторате эти показатели были существенно лучше, чем в исконной Германии. Случаи нарушения «нового порядка» пресекались жестокими карательными акциями, как было с селениями Лидице и Лежаки, стертыми с лица земли.

Раевский в своих записях подчеркивает, что протекторату удалось избежать войны и это позволяет из Праги наблюдать боевые действия, как с «исторического балкона». Такая отстраненность не мешает ему с осуждением писать о протестных акциях пражской молодежи осенью 1939 г., когда была учинена кровавая расправа над студентами. За рамками его взгляда с «балкона» остается и многое из гитлеровского «нового порядка», например, создание в июне 1940 г. в крепости Терезин (недалеко от Праги) «образцово-показательного» гетто для чешских евреев и их соплеменников из близлежащих стран. Из гетто был только один путь - в лагеря смерти. В самом этом

«культурном центре» за годы войны погибло около 33 тыс. евреев.

В дневнике есть осторожная запись от 22 июня 1941 г. Автор чувствует, что начало войны с СССР чревато и для него неприятными последствиями. Ждать их пришлось не долго. На следующий день его арестовало гестапо. Раевский провел в застенках 54 дня, но был выпущен на свободу. В дневниках нет упоминаний причин его заключения и предъявленных ему обвинений. Ничего. Только не скрываемая радость, по поводу освобождения. Но, вероятно, вследствие проведенных в гестапо «профилактических» бесед, из дневника почти исчезают военно-политические оценки войны, которые раньше были, чуть ли не главной темой его записок. Лишь эпизодически упоминается положение на Восточном и других фронтах. В целом записи о войне в России очень скупы.

Мнение автора данной статьи, не совпадающее с мнением публикаторов.

Как и большинство эмигрантов, особенно бывших военных, Раевский стоял на прогерманских позициях и видел в гитлеровской агрессии продолжение белогвардейского движения за «освобождение России». Таковы были его убеждения того периода, которые не поколебали даже убедительные победы Красной Армии.

Записки Раевского - это взгляд «с другой стороны». Он существенно отличается от нашего традиционного освещения тогдашних событий, но, думается, по-своему дополняет общую

картину войны. И еще одно. Крах западных демократий в течение нескольких недель под ударами гитлеровской военной машины, позволяет более объективно воспринимать причины трагического отступления Красной Армии в 1941 г.

Между тем, пушкиниану Раевского и самого писателя ждали новые испытания. Немецкие войска заняли Австрию, вскоре Чехию. Надвигалась война. Литературный и научный дебют с его изысканиями был отложен на долгие годы. Сразу после нападения Германии на СССР Раевского, арестовало гестапо. Почти два месяца, провел он в тюрьме, прежде чем снова оказался на свободе.

В военные годы, без всякой надежды на публикацию, он продолжал пушкинские исследования, работая над ними вопреки всему, на фоне разворачивавшейся вокруг него катастрофы. Через несколько дней после освобождения чешской столицы от фашистов, совпавшим с окончанием войны в Европе, начались новые испытания. Раевский был задержан органами советской военной контрразведки, как участник Белого движения. Его осудили по пресловутой 58 статье. Правда, дали минимальный по тогдашним меркам срок - пять лет исправительно-трудовых лагерей и три года поражения в правах.

На следствии он обстоятельно рассказал о своих пушкинских находках, привлек внимание дознавателей к неизвестным документам и архивным материалам, связанным с именем поэта.

Просил довести эти сведения до специалистов. И свершилось чудо – материалы Раевского попали в Пушкинский дом. Сейчас трудно восстановить, как вращались механизмы военно-бюрократической машины, но очевидно главное: его показания помогли спасти многое из того, что хранилось в бродзянском замке. Сам Раевский вспоминал позднее, что его следователь «капитан Плясков отнесся к моей просьбе с чрезвычайной внимательностью».

После окончания срока заключения, в 1950-1961 годах он заведовал клинико-диагностической лабораторией Минусинской больницы. Далее – Алма-Ата, продолжение работы над пушкинской темой и одновременно государственная служба. В 1961-1977 гг. - Раевский научный сотрудник Казахского института клинической и экспериментальной хирургии.

С выходом в свет книги «Если заговорят портреты» к семидесятилетнему автору пришло всенародное признание. Потом были - «Портреты заговорили», «Друг Пушкина – Павел Воинович Нащокин», «Джафар и Джан», «Последняя любовь поэта». Стотысячный тираж книги «Портреты заговорили» разошелся в одно мгновение и, став бестселлером, долго оставался рекордсменом по читательскому спросу. Эти книги породили взрыв интереса к Пушкину. На фоне суконных сочинений того периода это был водопад свежих идей и мыслей.

Казалось, успех пришел к автору легко и быстро. Но это только на первый взгляд. Из-за своего происхождения, «гулаговского»

прошлого, смелых суждений ему приходилось преодолевать не только рогатки бюрократов, но и козни собратьев по перу. Конечно, Раевскому, не раз зарекавшемуся, «живым в руки большевиков не попадаться», было трудно представить, что над ним лично «шефствует» руководитель коммунистов Казахстана Д.Кунаев, которому нравилась роль покровителя наук и искусств, льстило, что в «его» республике работает такой известный и популярный писатель.

Сегодня многие исследователи творчества Раевского полемизируют по поводу его отношения к советской власти. Изменилось ли оно за годы пребывания в СССР или он остался на прежних позициях противника режима? Такие споры представляются уже не актуальными. Очевидным является тот факт, что писателем и писателем популярным, авторитетным пушкинистом он стал в СССР, а не в своих заграничных скитаниях. К этому можно добавить и воспоминания о встречах с писателем исследователя его творчества Олега Карпухина. Он рассказывал, что среди его записей бесед с Раевским и такая: «Николай Алексеевич был очень озабочен прошедшими в декабре 1986 года беспорядками в Алма-Ате. Во многом они стали итогом горбачевских просчетов в национальной политике. «Я за советскую власть,- сказал тогда Раевский, - поскольку только она может сохранить нынешние границы страны. Без советской власти среднеазиатские республики скатятся в

средневековье». Раевский не раз ошибался в своих прогнозах, но в этом, мне кажется, он был прав».

Сожаление вызывает, что в Чехии, где писатель провел двадцать лет жизни и сделал большинство из своих «пушкинских» открытий, память о нем теплится лишь в узком кругу специалистов и энтузиастов. Горьким подтверждением этого стала вышедшая в чешской столице в 2008 году книга очерков о русской эмиграции в Чехословакии (более 500 стр.). О Раевском в ней нет ни слова. Зато целая глава посвящена предателю Власову...

Раевский прожил большую жизнь, вместившую в себя главные события двадцатого столетия. Даже ее отдельных эпизодов хватило бы на полновесный роман... Но главный его «памятник» в книгах, которые он оставил после себя. В них отразился весь сложный и противоречивый характер эпохи, в них - искреннее желание донести до людей правду, очищенную от политической пропагандистской шелухи, мелочных, сиюминутных интересов, такой, как она представлялась самому автору. Это его личный взгляд, его собственный опыт.

С высоты прошедших лет мы видим и его заблуждения, и ошибки в оценках... Но в своих работах, посвященных Пушкину, он совершенно свободен от попыток поставить поэта в сервильную позу, прислуживающего любому режиму и любой власти... А это всем нравиться не может.

Могила Н.А.Раевского

